

КУЛЬТУРА

ЗЛОДЕЙ СО ВЗГЛЯДОМ
РЕБЕНКА

Друг - 1994 - 17 марта - С. 7.
Сыграть подобное способен только Сергей Маковецкий

За последние два года Сергей Маковецкий стал легендой театральной Москвы. О его работах на сцене Театра имени Вахтангова и Театра Романа Виктюка много и восторженно говорят. Знают Маковецкого и кинозрители, особенно по картинам Владимира Хотиненко «Патриотическая комедия», «Макаров». Недавно актер был удостоен премии «Золотой Овен» и премии кинопрессы за роль поэта Макарова в одноименном фильме.

Впрочем, снимается Маковецкий давно, на его счету более двадцати киноролей, в том числе в картинах, поставленных Глебом Панфиловым, Иваном Дыховичным, Виктором Титовым... Во время демонстрации «Патриотической комедии» в Московском киноцентре у входа толпились люди, спрашивая лишний билет, — явление довольно редкое для наших дней и, естественно, отрадное для артиста, занятого в одной из главных ролей. Тем более что для Сергея очень важен его союз со зрителями.

— Я ненавижу понятие «массовый зритель», — говорит Маковецкий. — Ненавижу угодничество и заигрывание с залом. Но в равной степени для меня перспективен кинематограф, который прокламирует безразличие к зрителям. А многие режиссеры создают свои картины словно для себя. По-моему, в самой основе нашей профессии заложен прежде всего диалог с людьми. Забывая об этом, мы никогда не выберемся из кризиса, царящего в кино. Я счастлив, что «Патриотическая комедия», «Макаров» имеют резонанс в Москве, надеюсь, картины продолжат путь по России с таким же результатом. Активная реакция зрителей возвращает мне силы, затраченные на съемочной площадке, дает стимул к новым ролям.

— Связь зрительного зала с фильмом идет напряженную через актеров. Именно они входят в жизнь, в память людей. Сережа, среди ваших персонажей есть положительные герои, отрицательные. Какие из них вам интереснее, дороже?

— Я надеюсь, что мои персонажи неоднозначны, как и каждый из нас. Например, жандармский офицер в фильме «Мать», которого я играл, возможно, неплохой человек, но в его натуре пересекаются сочувствие к своим жертвам и жестокость, осознание определенной низости своих поступков и интеллектуальный садизм. Хорошо, если у зрителя появился повод задуматься об этом.

Но вообще-то, общаясь с журналистами, актер обычно многое о своей роли не договаривает. Потому что, создавая ту или иную фигуру, мы соединяем драматургию со своим глубоко личным, сокровенным. Страшно допускать постороннего человека в свою душу. О том, что я отдаю герою, знает только Бог. И немного я сам.

— Концентрация чувств, мысли — сильная сторона вашего таланта. Я постоянно ощущаю в ваших героях скрытую и как бы донельзя сжатую пружину, которая может внезапно выпрыгнуть, вызвать взрыв, вовлечь зрителей в эту бурю. Так было, мне кажется, в «Прорве», где вы играли странного «маленького человека», не имеющего своего ли-

ца. Или оно стерто временем?

— А вы заметили, что у него нет и собственного имени? Он назван в фильме «Друг». В данном случае в этом слове заключена горькая ирония. «Друг» — жестокое порождение жесточайшей сталинской действительности. Результат их действий, помыслов обычно противоположен их же намерениям, но в силу не всегда зависящих от них обстоятельств. «Друг» искренне любит молодого талантливого и опального поэта, хочет ему помочь, а в итоге поэт выбрасывается из окна!

— Многое в этой ситуации объясняется временем действия фильма — конец 30-х годов. С одной стороны — флаги, знамена, лозунги, торжества и оркестры, с другой — аресты, тюрьмы, расстрелы. Это — держава Зла, пораженная бациллой чудовищного, глобального предательства всех и вся...

— Да, но я далек от яростных обвинений всех, кто жил в то время, в том числе и людей, принимавших партийный призыв как данность: нам пора уходить от непримиримости, категоричности в оценке этого кошмарного наследия. И если уж кого судить нравственным судом — то верхушку партии. Мне кажется, сегодня важна такая акция, особенно для молодежи, чтобы она осознала бесчеловечность коммунистического режима, чтобы поняла истоки злых вихрей наших дней.

— А как ощущает себя в этих обстоятельствах актер? Как принимает социальные, экономические бедствия? Некоторые готовы работать над чем угодно, лишь бы выжить.

— Что касается меня, то я отказываюсь от ролей, мне чужды.

— Это, вероятно, дается нелегко, особенно в материальном отношении?

— Конечно, нелегко. Сейчас в кинематографе царит хаос, дикий рыночный закон — звучит «музыка» по заказу людей, платящих деньги. У нынешних «заказчиков» свои представления — дескать, зрителям нужна «чернуха», «порнуха», «страшилки». Между тем кровь, смерть, ужасы на экране в последнее время уже почти никого не волнуют, зрители привыкли к этому валу. Умные, серьезные проекты, к сожалению, у большинства состоятельных спонсоров не котируются. Лечат в столах у драматургов прекрасные сценарии, простаивают талантливые режиссеры... Мы приходим к духовному и эмоциональному обнищанию.

— Что же касается актерской судьбы, то не надо судить строго моих коллег, снимающихся в фильмах, напоминающих оттиски дурного зарубежного кино. Постоянно отказываться нельзя — забудут.

— Вы же отказываетесь?

— У меня есть театр. К тому же мне повезло с талантливой режиссурой.

— ...А им, я считаю, — с Сергеем Маковецким. У вас сложились прочные связи с Владимиром Хотиненко, вместе вы работали над «Патриотической комедией», «Макаровым». С чего начался ваш союз?

— Хотиненко увидел меня в спектакле «М. Баттерфляй» в театре Романа Виктюка. Я играл Рене Галимара. После этого получил от Хотиненко сценарий «Патриотической комедии» с предложением выбрать для себя роль. Я выбрал Ильина, одну из

главных ролей, в которой была загадка. Я работал интуитивно, хотелось сыграть человека, с которым вроде бы ничего не происходит. Живет себе и живет, бережет отчий дом, никуда и никогда из России не уедет.

— При этой внешней сдержанности ощущалась насыщенная внутренняя жизнь тихого вашего Ильина. Его фигура давала повод к размышлениям о русском характере, его истоках и духовной опоре. Ваш герой — неотделим от России, от нашей истории. Мы обидно мало, скудно говорим об этом с экрана, со сцены, хотя потребность в такого рода идеях очевидна.

— Вы правы, но позвольте спросить: кто даст деньги на подобную картину? На спектакль? Я представляю себе фильм такого плана, связанный с нашей литературой, историей. Его мог бы поставить, скажем, Виктюк, имеющий опыт работы в телевизионном кино.

— Виктюк — одна из центральных фигур на нашем пути! — Да, он — один из самых близких мне режиссеров. Впервые мы встретились, когда он ставил в театре имени Вахтангова спектакль «Уроки мастера», потом я играл у него Куильти в «Лолите», афганца в «Рогатке». Нам интересно вместе работать, мы словно заряжаемся друг от друга, возникает атмосфера полного взаимопонимания. Одним точным жестом Виктюк умеет заменить пространственный монолог, я сразу понимаю, чего он ждет от меня. Ценю его любовь к пластической образности, хотя порой он ставит перед актерами тяжелые задачи.

— Виктюк, как мне кажется, всякий раз предлагает вам роли, непохожие на то, что вы до этого делали, то есть не дает повторяться...

— Он помогает неординарно прочесть драматургический материал. Его глубина, чуткость, такт точно направляют актера, помогают заново открыть себя зрителям.

— На мой взгляд, так было у вас с Куильти, неуловимым, скользким, многоликим и — страшным в своей невероятной неуязвимости. И вместе с тем у вашего героя — взгляд ребенка, который неспособен задуматься над тем, что он грешен и смертен... Я знаю, что вы параллельно работали над противоположными ролями Куильти и Ильина... Позже так случилось с афганцем из «Рогатки» и поэтом Макаровым. Нужен огромный актерский, человеческий диапазон для этого...

— Все удастся тогда, когда сойдется души режиссера и актера.

— Хотиненко называет «Макарова» своей «самой печальной» картиной. Так оно и есть в истории поэта, ставшего единым целым с пистолетом-онофамильцем и покончившим с собой. И все же, думаю, мне, в «Макарове» возникла и такая тема: человек не дал себя сломать, предпочтя закабалению смерть.

— Жизнь разнообразна, многолика. Она продолжается — что бы ни произошло. И невозможно, надеюсь, истребить в человеке достоинство, честь даже в самой трагической ситуации.

— ...Что оставляет нам толку надежды в печальной истории Макарова. Как говорил ваш Ильин словами чеховской героини: «Надо жить...»

— Надо жить... Добавить тут нечего.

Беседу вела
Эльга ЛЫДИНА.